

счастливые жители находятся под надзором и управлением мудрого начальства) [2, с. 245].

В «Божественной комедии» Данте следует трансцендентной традиции и для описания рая не приводит урбанистическую метафору, его рай состоит из девяти сфер, в последней из которых – хрустальном небе – открывается Роза Праведных, вокруг точки, которая есть Бог. А. Я. Гуревич отмечает, что фантазии при описании рая гораздо бледнее, нежели рассказ об адских муках, описание рая человеческими средствами вообще невозможно, поэтому авторы видений говорят о несказанности, невыразимости, когда хотят сообщить о сиянии рая или о радостях блаженства [6, с. 8].

Таким образом, мы приходим к пониманию, что в обживание человеком иного мира включено и представление о городе. Город стал одним из основных мифологических инвариантов устройства существования за пределами жизни. Пустынные пространства ранних мифологических представлений, долины иного мира, камышовые поля египтян, вечные охотничьи угодья индейцев не имеют четкой локализации и границы. Неопределенность пустынных пространств пугает, лишает возможности укрепиться и укорениться в ином мире. Отсутствие понятной границы не дает провести черту между бытием и небытием, не будит желание переступить ее в поисках трансцендентного знания. Родовые поселения, усадьбы, напротив, слишком локальны, тесны для души, которая уже имеет представление о том, что мир велик.

Можно предположить, что реальный город является для человека настолько существенным, настолько значимым отдельным фрагментом мира, что формирует целостное мироотношение, в котором часть (город) и целое (мир) вполне сопоставимы. Город, становясь объектом такого существенного отношения, выполняет функции объекта-посредника по отношению к другим фрагментам действительности и задает существенные особенности поведения человека в мире: и в этом, и даже в ином [9, с. 18].

В городах страны мертвых опредмечивается сверхчувственное. Остается открытым вопрос, почему в нижнем мире городов больше, нежели в верхнем. Возможно, это связано с чувственной конкретикой преисподней: душа в ней сохра-

няет следы материальности и телесности, испытывает муки, а боль и страдание – это та реальность, которая, увы, «дана нам в ощущении», легко представима и передаваема конкретно-образно, в отличие от абстракции блаженства.

1. Петрухин В. Я. Загробный мир // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Совет. энцикл., 1980. Т. 1. С. 452–456.

2. Кавтарадзе С. Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле. 2-е изд. М. : Дом Высш. шк. экономики, 2016. 472 с.

3. Максименко Л. А. Космология в культуре: структурная и функциональная рациональность // Цивилизация – культура – образование: из прошлого в будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (30 марта 2009 г.) : в 2 ч. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2009. Ч. 1. С. 180–185.

4. Мелетинский Е. М., Гуревич А. Я. Германско-скандинавская мифология // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Совет. энцикл., 1980. Т. 1. С. 284–292.

5. Рифтин Б. Л. Си-ван-му // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Совет. энцикл., 1982. Т. 2. С. 431–432.

6. Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков // Труды по знаковым системам VIII. Тарту : Уч. зап. Тартус. ун-та, 1977. Вып. 411. С. 3–27.

7. Петрухин В. Я. Загробный мир. Мифы разных народов. М. : АСТ, Астрель, 2010. 416 с. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/1019321/Petruhin_-_Zagrobnyy_mir._Mify_raznyh_narodov.html (дата обращения: 25.09.2017).

8. Федяев Д. М., Чинакова Л. И. Диалектика границы: общее в различных версиях // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=6220> (дата обращения: 25.09.2017).

9. Федяев Д. М. О философском инварианте // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность : сб. науч. тр. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1997. Вып. 1. С. 15–20.

© Горнова Г. В., 2018

УДК 316.48

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА: ПРОБЛЕМА ФОРМАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме описания ключевых элементов структуры межэтнического конфликта. Авторы пытаются уточнить понятия объекта, предмета, предпосылки, причины, субъектов межэтнического конфликта, а также соотнести понятия межэтнического конфликта и межэтнической напряженности.

Ключевые слова: межэтнические конфликты, межэтническая напряженность, объект и предмет межэтнического конфликта.

STRUCTURAL MODEL OF THE INTERETHNIC CONFLICT: THE PROBLEM OF FORMALIZATION

The article is devoted to the problem of describing the key elements of the structure of interethnic conflict. The authors try to clarify the concepts of the object, the subject, the background, the reasons, the subjects of the interethnic conflict, and also to correlate the concepts of interethnic conflict and interethnic tension.

Keywords: interethnic conflicts, interethnic tension, object and subject of interethnic conflict.

В эпоху глобализации полярные и диалектические процессы консолидации и конфликтности существуют практически во всех социальных структурах общества. Эти процессы настолько динамичны, что любые противоречия могут стремительно обостряться и приводить к открытым столкновениям больших и малых групп, в том числе консолидирующихся по этническому признаку. Несмотря на множество исследований, посвященных проблеме межэтнического взаимодействия, понятийный аппарат этой области конфликтологии нельзя считать сформированным и устоявшимся. Начнем с того, что и само понятие «межэтнический конфликт» трактуется по-разному. Более того, большая часть исследователей считает, что в чистом виде этнических конфликтов, т. е. конфликтов, возникающих из-за этнических различий, в жизни современного социума как таковых не существует. Так, Г. Т. Тавадов отмечает: «Этнический конфликт – всегда явление политическое, потому что для решения задач в культурно-языковой или социально-экономической области и достижения других национальных целей, как правило, необходимо использовать политические пути и методы» [1, с. 634].

В. А. Тишков также говорит о конфликте этнополитическом, определяя его как «конфликт с определенным уровнем организованного политического действия, общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны, в которых противостояние проходит по линии этнической общности» [2, с. 8]. Таким образом, по мнению Тишкова, этнополитическим конфликтом является форма гражданского, политического или вооруженного противостояния, характеризующаяся мобилизацией одной или нескольких сторон и действиями по принципу этнической дифференциации. Но данное определение не учитывает, к примеру, той ситуации, когда противоречия нарастают не только между государством и этносами, но и между отдельными этническими группами.

Мы разделяем тезис о том, что межэтнический конфликт если изначально и не является политическим, то с неизбежностью перерастает в него либо на стадии открытого конфликта, когда стороны (или одна из сторон) для достижения своей цели стремятся получить властные полномочия, либо при его регулировании, которое всегда происходит с участием институтов власти. В этом случае можно говорить о «кластере» конфликтов [3], называя его этнополитическим, этноконфессиональным, этнорелигиозным конфликтом в зависимости от многообразия всех его составляющих.

Другой методологической проблемой является вопрос о соотношении понятий межэтнического конфликта и межэтнической напряженности. В современном гуманитарном знании в сфере аналитики межэтнической проблематики существует несколько парадигм. Социально-психологическая парадигма изучает межэтническую напряженность как явление, которое обусловлено психическими процессами, оказывающими непосредственное влияние на функционирование социальных общностей. Социальная парадигма фиксирует свое внимание на социокультурных аспектах межэтнических взаимодействий. Конфликтологическая парадигма определяет межэтнический конфликт как наивысшую точку напряженности в отношениях между этносами.

Межэтническая напряженность как социально-психологический феномен отражает трансформации межэтнических отношений и отношений внутри этнических групп. Эти трансформации проявляются в этнической границе, разделяющей и дифференцирующей этнические группы. При ведущей роли национальных элит этнические группы перестраиваются изнутри, концентрируя свои усилия на создании и укреплении этнических границ, на основе которых в свою очередь изменяются отношения между этносами.

При исследовании различных социологических концепций, в рамках которых формируется и используется дефиниция «межэтническая напряженность», можно сделать вывод о том, что в основе данного феномена находятся процессы социальной напряженности, которые обозначаются рядом исследователей как особое состояние общественного сознания и поведения, определяющееся массовым психическим беспокойством, эмоциональным возбуждением [4, с. 27].

В отечественной социальной науке сущностные аспекты социальной напряженности вскрываются в работах И. Пирогова, В. Рукавишникова, С. Толстиковой, Г. Солдатовой и др. По мнению Пирогова, внутреннее самоощущение индивидов в отношении социальных и физических характеристик находит отражение в таких общественных феноменах, как самочувствие и удовлетворенность. При этом уровень стабильности/нестабильности социальной системы и возможность ее трансформации характеризует социальная напряженность как ситуация, которая детерминирована этими социальными конструктами. С точки зрения В. Рукавишникова, социальную напряженность можно определить как социально-психологический фактор кризисного или конфликтного явлений [4, с. 26].

Под влиянием многих факторов, прежде всего экономических и политических, социальная напряженность может перерасти в межэтническую напряженность, предполагающую конфронтацию этносов, в основе которой лежит проблема распределения ресурсов и доминирование в той или иной социокультурной среде. Процесс трансформации социальной напряженности в межэтническую сопровождается активизацией этнических стереотипов, при этом особо необходимо отметить возможность стимулирования процесса нагнетания межнациональной напряженности посредством слухов, которые стремительно циркулируют в системе неформальных коммуникаций [5, с. 136]. Г. У. Солдатова считает, что трансформация из социальной напряженности в межэтническую «является закономерным процессом в условиях глубоких изменений полиэтнического общества» [6], в частности, когда к социально-экономическим противоречиям представителей различных наций добавляются социокультурные, мировоззренческие, исторические.

С точки зрения конфликтологической парадигмы межэтническая напряженность, как динамический феномен, характеризуется периодами роста и спада напряженности. Это выражается в изменении психологического состояния взаимодействующих этнических групп и этномобилизационных процессов в обществе. По мнению С. Толстиковой, процессы напряженности детерминируются стадиями или этапами фиксации межгрупповых взаимодействий. Среди них можно выделить: латентную (минимум напряженности),

начальную стадию конфликтного проявления (трансформация латентного в открытый конфликт), этап эскалации (нарастание напряжения), насильственную акцию (максимальный уровень напряженности), равновесное состояние, или баланс (отсутствие действий по достижению согласия), разрешение конфликтного феномена, или стадия интеграции, прерывание мирного состояния (созревание новой конфронтации) [7]. Заметим, что перечисленные стадии по сути повторяют стадии развития любого социального конфликта, из чего следует, что при таком подходе к динамике процесса напряженности понятия «межэтническая напряженность» и «межэтнический конфликт» оказываются тождественными друг другу.

По мнению Г. У. Солдатовой, межэтнический конфликт является одной из стадий межэтнической напряженности, наряду с расхождениями, спорами, противоречиями и любыми другими межэтническими проблемами. Конфликт проходит стадии зарождения, вызревания и затухания в психологическом поле межэтнической напряженности, которое появляется под воздействием целенаправленной политики, осуществляемой национальными элитами. Исходя из этого, межэтническая напряженность выступает как более общее родовое понятие по отношению к этническому конфликту [6]. Для того чтобы разрешить конфликт, необходимо, в первую очередь, выявить источник той социальной (и, как следствие, межэтнической) напряженности, которая ему предшествовала. Вместе с тем, Н. А. Алпеисова отмечает, что категория «межэтническая напряженность», в отличие от понятия «межэтнический конфликт», не содержит в себе негативного и оценочного смысла и несет возможность для построения межэтнических отношений, которые будут базироваться на толерантности и терпимости, способствующие поддержанию продуктивной конкурентности [8, с. 78]. Следовательно, по мнению данного автора, конфликт не является обязательной стадией динамики межэтнической напряженности.

Итак, один из дискуссионных вопросов, касающихся осмысления границ и этапов развития межэтнического конфликта, влечет за собой вопрос о соотношении понятий межэтнической напряженности и межэтнического конфликта. Для одних авторов эти понятия тождественны, для других – межэтнический конфликт является одной из стадий межэтнической напряженности, для третьих – межэтническая напряженность предшествует конфликту. На наш взгляд, уже возникший конфликт – это крайняя степень межэтнической напряженности, которая превосходит определенный порог мирного сосуществования этносов и конкуренции. Столкновения могут легко перерасти в крайние формы – погромы, массовые беспорядки, вооруженные конфликты, гражданские войны. Так, например, десятилетиями копившаяся взаимная неприязнь армян и азербайджанцев в Нагорном Карабахе в конце 1980-х годов вылилась в вооруженный конфликт, который возник не столько по причине межэтнических противоречий, сколько по причине ослабления контроля со стороны центральной власти в СССР. Межэтническая напряженность возникает на латентной стадии конфликта, являясь ее индикатором. В этом смысле она может и не перерасти в конфликт, который может быть предупрежден до начала открытых конфликтных действий сторон.

При управлении такими сложными процессами, как межэтнические конфликты, результаты исследования конфликтного взаимодействия необходимо представлять в виде, удобном для анализа. С этой целью можно создавать различные модели конфликта, но ни одна из них не может быть построена без выявления его структурных элементов, к которым мы относим: объект, предмет и участников конфликта, причины его возникновения (объективные и субъективные). В качестве дополнительных элементов структуры могут быть определены границы конфликта (территориальные и временные), среда (макро/микро), а также такие характеристики сторон, как интересы, мотивы, цели, позиции.

Рассуждения по поводу объекта межэтнического конфликта порождают еще один дискуссионный вопрос. Существует ли специфическое содержание таких конфликтов, или же они могут быть сведены к межличностным или межгрупповым конфликтам, объектами которых являются трудовые, педагогические, экономические и другие отношения? Есть и различные версии по поводу субъектности межэтнических конфликтов. Так, А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов считают, что межэтнические конфликты могут возникать как между социальными группами отдельных этносов, так и между отдельными их представителями, и выделяют в качестве отдельных подвидов этносоциальные, «межэтнические конфликты в строгом смысле термина» и *межличностные конфликты* [9, с. 380]. По мнению Н. И. Григорьевой, в межэтническом конфликте хотя бы одна из сторон рассматривает себя не как индивидуальность и личность, а как представителя аскриптивной группы (группы с жестко предписанным поведением) [10, с. 46–47], следовательно, *межэтнический конфликт не может быть межличностным*. Эти вопросы тесно связаны между собой, и для решения их требуется уточнить содержание понятия «межгрупповые отношения». Мы разделяем точку зрения Т. Г. Стефаненко о том, что «с позиции здравого смысла кажется достаточно очевидным, что межгрупповые отношения – это отношения, объектом и субъектом которых являются группы» [11, с. 124]. Если же под межгрупповыми отношениями понимать отношения между отдельными индивидами как представителями конкретных групп, то все отношения в социуме окажутся межгрупповыми [11, с. 125]. Этносты – это социальные группы, поэтому межэтнические отношения являются частным случаем межгрупповых. При этом, по мнению Т. Г. Стефаненко, «не существует особых, свойственных исключительно межэтническим отношениям, психологических явлений и процессов: все они являются универсальными для межгрупповых отношений» [11, с. 124]. Все же наличие в качестве стороны конфликта этнической группы позволяет говорить о специфической структуре такого конфликта, объект в этом случае определяется через его субъектный состав. Однако многие исследователи, описывая классификации межэтнических конфликтов по различным основаниям, приводят в качестве примера события, результатом которых явилось создание самопровозглашенных государств (Чечня, Абхазия, Нагорный Карабах). Сторонами конфликта в таких случаях называют этническую группу (группы) и государство [12]. Но что есть государство в качестве конфликтующего субъекта? Это все та же социальная группа, преследующая интересы государства,

выступающая в конфликте от имени государства. Причем эта группа далеко не всегда может быть названа этнической. Таким образом, объект межэтнического конфликта – это отношения между группами, по крайней мере, одна из которых является этнической.

Среди исследователей межэтнических конфликтов нет единства во мнениях и относительно предмета, причин и предпосылок конфликта. Так, согласно Н. Кокшарову, объективными причинами обострения межнациональной напряженности являются:

- во-первых, последствия серьезных деформаций национальной политики; копившаяся долгие десятилетия неудовлетворенность, которая выходит наружу в условиях гласности и демократизации;

- во-вторых, результат весомого ухудшения экономического положения в стране, несущего след за собой недовольство и вражду у различных слоев населения, причем такие негативные настроения канализируются, прежде всего, в сфере межнациональных отношений;

- в-третьих, следствие застоявшейся структуры государственного устройства, ослабления тех основ, на которых создавалась свободная федерация народов.

К субъективным причинам Н. Кокшаров относит следующие:

- социально-экономические (безработица, задержки и невыплаты зарплаты, социальных пособий, которые не позволяют большей части граждан удовлетворить базовые потребности, монополия представителей одного из этносов в какой-либо сфере услуг или отраслей народного хозяйства и т. д.);

- культурно-языковые (связанные с защитой, возрождением и развитием родного языка, национальной культуры и гарантированных прав национальных меньшинств);

- этнодемографические (стремительное изменение соотношения численности населения, т. е. увеличение доли пришлого, иноэтнического населения в связи с миграцией вынужденных переселенцев, беженцев);

- этнотерриториально-статусные (несовпадение государственных или административных границ с границами расселения народов, требование малых народов о расширении или приобретении нового статуса);

- исторические (взаимоотношения в прошлом – войны, былые отношения политики «господство – подчинение», депортации и связанные с ними негативные аспекты исторической памяти и т. д.);

- межрелигиозные и межконфессиональные (включая различия в уровне современного религиозного населения);

- сепаратистские (требование о создании собственной независимой государственности или же воссоединение с соседним «материнским» или родственным с культурно-исторической точки зрения государством) [13].

Заметим, что в перечне субъективных причин присутствуют «требования», а, значит, в этом случае речь идет уже о предмете конфликта – основном противоречии между субъектами.

В. Г. Крысько говорит о предпосылках, «выступивших в качестве причин реальных этнических конфликтов» [12]: социально-политических, экономических, этнодемографических, экологических, исторических и др.

Попытаемся в первом приближении разграничить понятия причины, предпосылки и предмета. Термин «предпосылка» означает предварительное условие, исходный пункт чего-либо; предпосылка – это то, что является условием другого [14], т. е. то, что делает возможным наличие явления, состояния или процесса. Причина с необходимостью, неизбежностью порождает что-либо, причина – это «пусковое условие», которое при наличии прочих необходимых условий непосредственно порождает следствие [15]. Применительно к межэтническому взаимодействию предпосылка межэтнического конфликта – это наличие условий, при которых только существует возможность его возникновения. К таким условиям можно отнести социально-экономические, культурные, этнодемографические, исторические, экологические, религиозные. В качестве объективных причин могут выступать ошибки в национальной политике, коррупционность правящей элиты, ухудшение материального положения населения и др. К субъективным причинам можно отнести особенности темперамента, характера, эмоциональной сферы, специфику коммуникативной культуры, наличие этнических стереотипов, особенности этнической идентичности представителей различных этносов.

На наш взгляд, данный вопрос подлежит более глубокому анализу с целью определения критериев разграничения предпосылок и причин межэтнических конфликтов.

Если отличие предпосылки и причины все же весьма условно, то в отношении предмета межэтнических конфликтов такое разграничение необходимо, поскольку управление конфликтом предполагает «работу» именно с предметом. В качестве предмета могут выступать противоречия, которые проявляют себя в требованиях, выдвигаемых субъектами конфликта. К таким требованиям Э. Г. Вартаньян относит требования гражданского равноправия; сохранения или возрождения функций языка, культуры, религии; политические и территориальные требования [16, с. 157].

Межэтнические конфликты очень трудно поддаются разрешению, потому как найти возможные компромиссы для удовлетворения интересов, особенно нематериальных, – повышения статуса, большего доступа к политической власти и т. п., – задача чрезвычайно сложная. Более того, конфликтная ситуация расширяется и усугубляется за счет миграционных процессов и нестабильности связанных с этими процессами межнациональных и межэтнических отношений. В этой связи крайне важно создать адекватную структурную модель конфликта: проанализировать причины возникновения конфликта, определить его субъектный состав, объект и предмет. Любой конфликт, межэтнический в том числе, не является чем-то застывшим, с устоявшейся структурой. Для построения модели исследователю необходимо иметь дело с большим объемом информации, зачастую противоречивой и искаженной. Как правило, сбор и обработка данных проходят в несколько этапов, на каждом из которых увеличивается уровень абстракции и оторванности от действительности, все случайные факторы учесть также не представляется возможным. На основе полученной информации формируются не только достоверные знания о конфликте, но и знания, не поддающиеся оценке даже с некоторой степенью неопределенности. Это тоже объективный фактор, влия-

ющий на адекватность построенной модели. Существует и иррациональная составляющая конфликта. Но вместе с тем, чем адекватнее структурная модель, т. е. чем выше точность и объективность описания конфликта, тем выше вероятность его разрешения.

1. Тавадов Г. Т. Этнология. Современный словарь-справочник. М. : Диалог культур, 2007. 704 с.
2. Тишков В. А. О природе этнополитического конфликта // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 8–9.
3. Коркмазов А. Ю. Природа и типология межэтнических конфликтов // Сб. науч. трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия «Гуманитарные науки». 2005. № 1 (13). URL: <https://www.twirpx.com/file/1553595/> (дата обращения: 12.10.2017).
4. Карабаш И. В. Межэтническая напряженность и конфликты в современной России: основные теоретико-методологические концепции // Теории и практики общественного развития. 2013. № 12. С. 26–29.
5. Зеленков М. Ю. Межнациональные конфликты: проблемы и пути их решения (правовой аспект). Воронеж : ВГУ, 2006. 262 с.
6. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. URL: http://nashaucheba.ru/v38295/солдатова_г.у._психология_межэтнической_напряженности (дата обращения: 15.09.2017).
7. Толстикова С. Н. Межэтнические конфликты и их профилактика в студенческой среде // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Психология и педагогика. 2012. № 2. URL: <http://CyberLeninka.ru/article/n/mezhetnicheskie-konflikty-i-ih-profilaktika-v-studencheskoy-srede/> (дата обращения: 20.12.2017).

ty-i-ih-profilaktika-v-studencheskoy-srede/ (дата обращения: 20.12.2017).

8. Алпеисова Н. А. Кросс-культурное исследование межэтнической напряженности в условиях полиэтнического государства : дис. ... канд. психол. наук. Алматы, 2010. 144 с.
9. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учеб. для вузов М. : ЮНИТИ, 2000. 551 с.
10. Григорьев Н. И. Методические материалы тренера-медиатора в области межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Краткий курс. М. : Издат. дом «Буки Веди», 2016. 160 с.
11. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : учеб. для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2009. 368 с.
12. Крысько В. Г. Этническая психология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/krusko/02.php (дата обращения 15.09.2017).
13. Кокшаров Н. В. Причины и факторы межнациональных конфликтов. URL: <http://conflictologLnarod.mndocs/journal...koksharov.htm> (дата обращения: 03.11.2017).
14. Предпосылка // Философский словарь. URL: <http://enc-dic.com/philosophy/Predposylka-1838.html> (дата обращения: 15.01.2018).
15. Причина и следствие // Национальная философская энциклопедия. URL: <http://terme.ru/termin/prichina-i-sledstvie.html> (дата обращения: 15.01.2018).
16. Вартаньян Э. Г. Межэтнические отношения и пути урегулирования межнациональных конфликтов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 3 (25). С. 155–158.

© Грачёв А. В., Овчинникова Т. М., 2018

УДК 130.2

С. Ф. Денисов, Л. В. Денисова
S. F. Denisov, L. V. Denisova

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЭВОЛЮЦИИ УСАДЬБЫ (на материале классической русской литературы)

PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL SPECIFICITY OF THE EVOLUTION OF THE MANOR (on the material of the classical Russian literature)

В эволюции русской дворянской усадьбы выделяются три стадии. Первая стадия – период расцвета: русская дворянская усадьба выступает как локус спасения, воспринимается раем и ковчегом. Вторая стадия – период увядания, когда усадьба представляется как губительный локус и начинает описываться в метафорах ада и гроба. Третья стадия – это гибель усадьбы и замена ее иным спасительным локусом – дачей, которая надолго становится новым символом русской культуры.

Ключевые слова: философская антропология, дворянская усадьба, локус спасения, рай, ад, дача.

Evolution of a gentry estate can be broken down into three distinctive stages. The very first one is the stage of prosperity. It depicts the russian estate as locus of salvation, which therefore perceived as paradise and ark. The second stage describes the period of destruction that is metaphorically associated with hell and/or coffin. In the final stage the fallen gentry estate is replaced by the new concept of summer house which had become a new symbol of russian culture.

Keywords: phylosophical antropology, gentry estate, locus of salvation, paradise, hell, summer house.

Философская антропология изначально строилась как философская концепция спасения. Спасение – это процесс избавления человека от различных форм зла и обретения

им подлинного, совершенного бытия. Любая концепция спасения включает в себя три основных вопроса. Во-первых, это вопрос о том, от чего человеку необходимо спастись.